

**Красонцева Е.Ю.,
Рерке В.И., кандидат психологических наук, доцент,
Иркутский государственный университет,
Сверч Л.П., директор,
Школа №43 им. Главного маршала авиации А.Е. Голованова, г. Иркутск**

КИБЕРБУЛЛИНГ ПОДРОСТКОВ: ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ

Аннотация: распространение интернета и увеличение числа электронных девайсов в молодежной среде привело к проблеме обострения виртуальных конфликтов, затяжных угроз и агрессивных отношений между подростками.

В статье представлены результаты исследования социально – психологических последствий кибербуллинга у жертв подросткового возраста. Установлено, что каждый третий подросток (N=154) подвержен одному или нескольким видам буллинга в сети интернет. Выявлены подростки – жертвы кибербуллинга. Исследованы социально – психологические последствия применения информационных и коммуникационных технологий для намеренного, неоднократного и враждебного поведения лица или группы, направленного на оскорбление и унижение другого человека. К числу таких последствий относятся: заниженная самооценка, повышенная тревожность и замкнутость, высокий уровень социальной тревоги, который свидетельствует о трудностях в установлении контактов, страхе критики и отвержения от социума. Полученные в исследовании результаты определяют стратегию целенаправленной психолого – педагогической работы по организации коррекции последствий кибербуллинга в условиях образовательной организации.

Ключевые слова: кибербуллинг, подростки, жертва кибербуллинга, социально – психологические последствия, самосознание, социальная тревога

Кибербуллинг – это феномен, который пронизывает интернет пространство и глубоко проникает в социальную жизнь всего общества. Ситуации применения физической и психологической силы, которые были свойственны общественной среде, сегодня переходят в виртуальный мир. Первоначально складывается мнение, что буллинг в интернет среде безобидный и отрицательных последствий не несет. Все же есть существенные отличия кибербуллинга и социальной травли. Данные отличительные характеристики детерминированы спецификой интернета: безымянностью адресата, безграничным объемом аудитории и временем воздействия, искажением данных. В связи с этим изучение различных аспектов проблемы насилия в интернете является актуальным исследованием, т.к. последствия сказываются на психологическом здоровье личности любого возраста находится под угрозой [1, 3].

Изначально понятие «кибербуллинг» включало в себя применение коммуникационных и информационных технологий с целью унижения и оскорбления людей [2].

По мнению А.А. Бочавер и К.Д. Хломова кибербуллинг характеризуется заранее продуманной травлей человека посредством применения личной информации или клеветы в сети Интернет [2, 4]. Вместе с тем, такие зарубежные ученые как Kowalski R.M., Limber S.P., Agatston P.W. [13] от-

мечают частоту применения киберзапугивание в отличии от травли в реальной жизни. Авторы обращают внимание на то, что интернет запугивание встречается чаще, чем травля в реальной жизни. Это связано с тем, что интернет-пространство располагает большим объемом информации и доступа к ней, а также позволяет быть безнаказанным в отношении своей жертвы. В связи с этим преследователь остается анонимным, а его жертва следует провокациям своего агрессора. Нахождение и хранение в сети информации, которая вызывает страх, тревогу, отчаяние, разрушает личность жертвы. Вместе с тем, изменения касаются и личности самого агрессора и тех людей, которые опосредованно имеют отношения к травле (владеют информацией запугивания, но ничего не предпринимают). Особое внимание стоит уделить подросткам, так как они относятся к «группе риска» буллинга в сети интернет [8, 10]. Данный этап онтогенеза характеризуется своим противоречием и сложностью формирования социальных связей. На этапе пубертата происходят глубинные изменения в потребностно-мотивационной сфере, раскрываются все компоненты самосознания личности [6].

Заметим, что последствия кибербуллинга носят негативный, подчас психотравматичный характер для всех участников травли, но больше всего от этого страдают жертвы. У жертв кибербуллинга проявляются последствия на уровнях психики,

социального взаимодействия, в педагогическом плане. Так, жертвы интернет запугивания характеризуются депрессиями, самоповреждением, заниженной самооценкой. У них возрастает личностная тревожность, появляется социальный страх, снижение успеваемости [2]. Кроме того, жертвы буллинга в виртуальной среде испытывают трудности социализации, снижается мотивация к обучению, в связи с чем они ищут решения проблем в различных видах и формах девиантного поведения. Обозначенные последствия приведут к стойким личностным изменениям, заблокируют способности подростка реализовать себя в настоящем времени и сказываются на поведении в будущем. Кроме этого, социальные последствия кибернасилия проявляются во множестве аспектов: изменяется психика жертвы в контексте микросоциального окружения, асоциальным становится поведение агрессора и свидетелей данного вида травли, вовлекается общество в целом в процесс травли [8]. Все вышесказанное свидетельствует о деформации личности жертвы травли в интернете.

Цель данной публикации – изучить социально-психологические последствия кибербуллинга у жертв подросткового возраста.

Исходя из цели исследования, сформирована группа респондентов подросткового возраста (N = 154). Изучение социально-психологических последствий интернет запугивания проведено на базе образовательной организации г. Иркутска.

Методологической основой исследования явилась теория личности А. Бандуры о социальном научении. Согласно данной теории самосознание личности и самоподкрепление позволяют человеку регулировать свое поведение самостоятельно.

Для исследования были выбраны следующие диагностические методики: авторский опросник на выявление жертв кибербуллинга, «Тест – опросник самооотношения» (В.В. Столин и С.Р. Пантелеев), методика «Проблемная анкета» (Л.А. Регуш, Е.В. Алексеева, А.В. Орлова, Ю.С. Пежемская), «Опросник социальной тревоги и социофобии» (О.А. Сагалакова, Д.В. Труевцев).

На первом этапе исследования был разработан и апробирован авторский опросник с целью выявления жертв кибербуллинга [7]. Полученные данные позволили установить, что 37% испытуемых подвержены разным видам насилия в киберпространстве. 90% подростков – жертв кибербуллинга подвержены нападкам в сети интернет, которые проявлялись в систематических оскорбительных и запугивающих сообщениях.

Унижения в онлайн – группе или сообществе испытали 65% респондентов. Помимо этого, все

обучающиеся, которые были подвержены кибернасилию утверждают, что агрессор не один раз пересылал его фотографии или сообщения человеку, которому они не были предназначены, тем самым вовлекая на свою сторону большее сторонников. В свою очередь, 45% испытуемых столкнулись с клеветой, проявляющейся в распространении ложной информации агрессором о жертве. 40% респондентов утверждают, что встречали в киберпространстве фейковые аккаунты, которые были созданы другими людьми от их лица.

Заострим внимание на вопросе о том кому подростки сообщают то, что они подвержены кибернасилию. 15% обучающихся указали, что родителям. 25% сообщают о произошедшем друзьям и 60% респондентов никому не сообщают о том, что стали жертвой кибербуллинга.

Интересно распределились результаты ответов на следующий вопрос анкеты, который касается эмоций и чувств, испытываемых жертвой кибербуллинга. 30% респондентов – относятся к данной ситуации с равнодушием, т.е. данные подростки не указывают на сочувствие и обеспокоенность происходящем; 25% обучающихся считают, что нужно отомстить; страх испытывают 10% подростков; у 10% обследуемых сформировалась неприязнь к агрессору; обиду затаили 15% и 10% испытали растерянность. Таким образом констатируем, что каждый третий подросток (N=154) подвержен одному или нескольким видам буллинга в сети интернет.

Далее обратимся к диагностике и описанию социально-психологических последствий у жертв кибербуллинга. Интерпретация данных по шкалам «Теста – опросника самооотношения» В.В. Столина и С.Р. Пантелеева показала, что у 65% испытуемых ярко выражено внутренне недифференцированное отношение к самому себе (шкала «Глобальное самооотношение»). У 13% обследуемых установлена средняя выраженность показателей глобального самооотношения. 22% обучающихся продемонстрировали не выраженность самооотношения.

Согласно результатам шкалы «Самоуважение» у 48% испытуемых проявляется вера в свои силы и возможности. Данные респонденты контролируют собственную жизнь, понимают себя и являются самопоследовательными в действиях. У 24% подростков данные характеристики имеют среднюю степень выраженности и у 28% обследуемых самоуважение не выражено.

По шкале «Аутосимпатия» количественные результаты диагностики распределились следующим

образом: 48% ответов свидетельствует о том, что у подростков ярко выражено доверие к себе, сформирована позитивная самооценка; у 22% испытуемых установлена средняя выраженность ауто-симпатии. В свою очередь, 30% обучающихся видят в себе только недостатки, имеют низкую самооценку и тенденцию к самообвинению.

Интерпретация результатов по шкале «Ожидаемое отношение от других» позволила установить, что 7% подростков свойственно ожидание позитивного отношения к себе со стороны окружающих. Кроме этого, 26% испытуемых характерна промежуточная зона между положительным и отрицательным отношением к себе со стороны общества и 67% подростков ожидают только негативное отношение от других людей.

Как следует из результатов диагностики по шкале «Самоинтерес», 46% исследуемых демонстрируют интерес к собственным мыслям и чувствам, а также проявляют уверенность в своей интересности для других. Помимо этого, у 22% обучающихся установлена средняя выраженность показателей самоинтереса, у 32% обследуемых данные показатели не выражены, т.е. можно предположить, что каждый третий подросток считает себя не интересным для общества, кроме этого, не проявляет интерес к себе и своим чувствам.

Для определения наиболее выраженных проблем современного подростка проведена методика «Проблемная анкета» Л.А. Ретуша, Е.В. Алексеевой, А.В. Орловой, Ю.С. Пежемской. Анализ полученных данных по методике показал, что наиболее интересующие вопросы для современных подростков являются те, которые связаны с развитием общества (61% респондентов), отражающие безразличие людей по отношению друг к другу, распространение наркомании и алкоголизма, а также, страх перед насилием со стороны общества.

Также испытуемые отнесли к числу наиболее важных проблемы, связанные с будущим (21% испытуемых), характеризующие страх не реализовать себя полностью и не достигнуть успеха.

Кроме этого, обучающихся волнует непонимание со стороны родителей и сверстников (20% обследуемых), а также трудности в обучении (20% подростков).

На следующем этапе исследования проведен «Опросник социальной тревоги и социофобии» (О.А. Сагалаковой и Д.В. Труевцева). Первоначальный анализ и интерпретация результатов исследования позволили установить, что 15% испытуемых не испытывают социальную

тревогу, у данных подростков отсутствует страх в ситуациях самопрезентации. 25% респондентов время от времени опасаются социальных ситуаций, в которых будут оцениваться как сами личности, так и их поведение. Обратим внимание на тех 18% обучающихся, которые проявляют повышенный уровень социальной тревоги. Данной группе подростков типично проявление социальной тревожности, которая имеет тенденцию к увеличению. Так же высокий уровень социальной тревоги диагностирован у 18% подростков, что свидетельствует о возможных трудностях в установлении контактов или о возможных страхах в ситуациях критики или отвержения.

Особо высокий уровень социальной тревоги отмечается у 22% испытуемых, он характеризуется тенденцией к избеганию социальных ситуаций, а также субъективными переживаниями из – за нехватки коммуникативных навыков и коммуникативной смелости при одновременном желании их восполнить.

Кроме этого, пристального психолого-педагогического внимания требуют те 2% обследуемых, у которых выявлена социофобия. Эти подростки испытывают большое количество страхов, особенно ярко выражены страхи в ситуациях самопрезентации. Можем предположить, что данная группа респондентов склонна к самоизоляции и избеганию общества сверстников.

На втором этапе изучения проявлений и выраженности социальной тревоги получены следующие результаты: по первой шкале опросника установлено, что 12% испытуемым свойственен высокий уровень выраженности социальной тревоги, что свидетельствует о трудностях проявления инициативы и страхах перед ситуациями, предполагающими повышенное внимание к себе. Кроме этого, у 17% респондентов выявлена повышенная тревога в ситуации наблюдения и оценивания его окружающими. 30% обучающихся характерен средний уровень тревоги, который проявляется в отдельных, значимых для личности ситуациях. 41% подростков тревога в социальных ситуациях не характерна.

Шкала вторая характеризует желание личности справиться с беспокойством и переживанием. Данная шкала позволяет выявить и установить мотивационно-эмоциональное противоречие, которое заключается в совокупности проявления мотивов достижения и избегания. То есть мотив достижения позволяет личности реализовывать свои потребности, в тоже самое время происходит оце-

нивание поведения человека и подключается мотив избегания, который увеличивает чувство тревоги и страха перед оценкой. Полученные по данной шкале результаты распределились следующим образом: у 30% респондентов желание преодолеть тревогу в экспертных, оценивающих ситуациях, имеют низкий уровень выраженности; 35% подростков свойственна средняя выраженность показателей данной шкалы и у 35% обучающихся количественные значения шкалы «Постситуативные руминации» характеризуют высокий уровень страха оценивания.

Интерпретация результатов третьей шкалы позволила констатировать, что 17% испытуемым свойственен страх остракизма. Эти подростки боятся выражать эмоции и чувства в социальных ситуациях. У 45% обследуемых установлена средняя степень выраженности эмоций, они препятствуют проявлению своей тревожности в ситуациях, когда их оценивают. Для 38% подростков данные показатели не характерны.

Количественные и качественные результаты диагностики по четвертой шкале распределились следующим образом: у 14% респондентов диагностирована высокая степень выраженности социальной тревоги при проявлении инициативы в ситуациях, предполагающих взаимодействие и выяснение какой-либо информации у незнакомых людей. Для 19% испытуемых характерна средняя выраженность показателей данной шкалы. 67% обучающихся отмечают низкий уровень тревоги и страха критики в свой адрес.

Таким образом на основании проведенного исследования, удалось составить резюме:

1. Жертвам кибербуллинга в подростковом возрасте присущи заниженная самооценка и замкнутость (24% обследуемых).

2. Жертвы кибербуллинга характеризуются повышенным (18% испытуемых), либо высоким уровнем (22% респондентов) социальной тревоги, что свидетельствует о трудностях в установлении контактов, страхе критики или отвержения от социума.

3. Основная часть подростков – жертв кибербуллинга выделяет в числе наиболее важных для них проблем те, которые связаны с их будущим (32% школьников), а также с

взаимоотношениями с родителями (27% респондентов), сверстниками (30% подростков), собственным «Я» (29% испытуемых) и обучением в школе (27% обучающихся). Все это отражает страх респондентов перед насилием, как физическим, так и психологическим со стороны общества. Кроме этого, жертвам травли в интернете свойственно переживание за то, что они не смогут реализовать себя и выстроить доброжелательные взаимоотношения со сверстниками и родителями (21%).

Стоит заметить, что социально-психологические затруднения, с которыми подростки сталкиваются в сети интернет, не имеют простых технических решений. Необходимо выстроить комплексно работу педагогического сообщества и родителей в области культуры виртуального взаимодействия. Необходимо повысить профессиональные компетенции педагогов-психологов и социальных педагогов в сфере профилактики рискованного поведения подростков в сети интернет [5, 9, 14].

Нельзя не упомянуть, что проблема коррекции социально – психологических последствий кибербуллинга подростков может быть решена в следующих направлениях: целенаправленная педагогическая работа классного руководителя по снятию напряженности в ученическом коллективе; раннее выявление признаков и симптомов очной школьной травли; психолого-педагогическое консультирование и коррекция поведения не только агрессора и жертвы, а также класса в целом. Отдельное направление работы отводится индивидуальному взаимодействию с жертвой киберзапугивания. Содержание коррекционной работы сводится в данном случае на преодоление психотравматических переживаний как в сети интернет, так и в реальном социуме [11]. И, наконец, отдельное внимание отводим формированию у школьников, а также их родителей и ближайшего окружения культуре использования интернет-ресурсов [12]. При этом акцент ставим на то, чтобы всемирная информационная сеть воспринималась школьниками любого возраста как инструмент образования и самообразования, а не только пространство для межличностного взаимодействия.

Литература

1. Баранов А.А., Рожина С.В. Кибербуллинг – новая форма угрозы безопасности личности подростка // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. № 11. С. 62 – 66.
2. Баранов А.А., Рожина С.В. Копинг – стратегии подростка в ситуации кибербуллинга // Вестник Удмурдского университета. 2016. Том 26. Вып. 2. С. 37 – 46.
3. Бенгина Е. А., Гришаева С. А. Кибербуллинг как новая форма угрозы психологическому здоровью личности подростка // Вестник университета. 2018. № 2. С. 153 – 157.
4. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2014. № 3. С. 177 – 189.
5. Гаврилова И.В. Профилактика киберэкстремизма среди молодежи // Сборник статей. Чусавитина Г.Н., Давлеткириева Л.З., Чернова Е.В. М. Академия. 2013. С. 511.
6. Егоров А. Ю., Кузнецова Н., Петрова Е. Особенности личности подростков с Интернет-зависимостью // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2005. Том 5. № 2. С. 20 – 27.
7. Патент РФ 2020614474, 09.04.2020. Опросник Лайкерта / Демаков В.И., Рерке В.И., Портная Я.А.; Заявл. № 2020613460 от 24.03.2020.
8. Рерке В.И., Портная Я.А. Психологические особенности троллеров социальных сетей // Казанский педагогический журнал. 2019. № 4. С.155 – 160.
9. Рерке В.И., Бубнова И.С. Готовность педагогов к инновационной деятельности в образовательной организации: организационно-психологический аспект. Вестник Поволжского института управления. 2019. Том 19. № 1. С. 59 – 67.
10. Рерке В.И., Маякова О.С. К вопросу развития социальной активности подростков как условия их психологической безопасности // Baikal Research Journal. 2019. Том 10. № 2. DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(2).7
11. Хломов К. Д., Давыдов Д.Г., Бочавер А.А. Кибербуллинг в опыте российских подростков // Психология и право. 2019. № 2. С. 276 – 295.
12. Шаламова Л.Ф. Социальные группы и иные Интернет-ресурсы как инструменты развития социальной активности обучающихся // Материалы Четвертой Международной научно-практической конференции «Социальный компьютинг: основы, технологии развития, социально-гуманитарные эффекты» (ISC-15): Сборник статей и тезисов. М.: МПГУ. 2015. 501 с.
13. Kowalski R.M., Limber S.P., Agatston P.W. Cyberbullying: Bullying in the digital age. N.Y.: Wiley-Blackwell, 2011.
14. Rerke V.I., Tatarinova L.V., Bubnova I. S., Babitskaya L. A., Bakhareva E. V. Creativity and innovations of teachers of modern school: empirical aspect // ESPACIOS. 2020. Vol. 41. № 06. P. 28.

References

1. Baranov A.A., Rozhina S.V. Kiberbulling – novaya forma ugrozy bezopasnosti lichnosti podrostka. Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. 2015. № 11. S. 62 – 66.
2. Baranov A.A., Rozhina S.V. Koping – strategii podrostka v situacii kiberbullinga. Vestnik Udmurdskogo universiteta. 2016. Tom 26. Vyp. 2. S. 37 – 46.
3. Bengina E. A., Grishaeva S. A. Kiberbulling kak novaya forma ugrozy psihologicheskomu zdorov'yu lichnosti podrostka // Vestnik universiteta. 2018. № 2. S. 153 – 157.
4. Bochaver A.A., Hlomov K.D. Kiberbulling: travlya v prostranstve sovremennyh tekhnologij. Psihologiya. Zhurnal vysshej shkoly ekonomiki. 2014. № 3. S. 177 – 189.
5. Gavrilova I.V. Profilaktika kiberekstremizma sredi molodezhi. Sbornik statej. Chusavitina G.N., Davletkirieva L.Z., Chernova E.V. M. Akademiya. 2013. S. 511.
6. Egorov A. YU., Kuznecova N., Petrova E. Osobennosti lichnosti podrostkov s Internet-zavisimost'yu. Voprosy psihicheskogo zdorov'ya detej i podrostkov. 2005. Tom 5. № 2. S. 20 – 27.
7. Patent RF 2020614474, 09.04.2020. Oprosnik Lajkerta. Demakov V.I., Rerke V.I., Portnaya YA.A.; Zayavl. № 2020613460 ot 24.03.2020.
8. Rerke V.I., Portnaya YA.A. Psihologicheskie osobennosti trollerov social'nyh setej. Kazanskij pedagogicheskij zhurnal. 2019. № 4. S.155 – 160.
9. Rerke V.I., Bubnova I.S. Gotovnost' pedagogov k innovacionnoj deyatelnosti v obrazovatel'noj organizacii: organizacionno-psihologicheskij aspekt. Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya. 2019. Tom 19. № 1. S. 59 – 67.

10. Rerke V.I., Mayakova O.S. K voprosu razvitiya social'noj aktivnosti podrostkov kak usloviya ih psihologicheskoy bezopasnosti. Baikal Research Journal. 2019. Tom 10. № 2. DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(2).7
11. Hlomov K. D., Davydov D.G., Bochaver A.A. Kiberbulling v opyte rossijskih podrostkov. Psihologiya i pravo. 2019. № 2. S. 276 – 295.
12. SHalamova L.F. Social'nye gruppy i inye Internet-resursy kak instrumenty razvitiya social'noj aktivnosti obuchayushchihnya. Materialy CHetvertoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Social'nyj komp'yuting: osnovy, tekhnologii razvitiya, social'no-gumanitarnye efekty» (ISS-15): Sbornik statej i tezisov. M.: MPGU. 2015. 501 s.
13. Kowalski R.M., Limber S.P., Agatston P.W. Cyberbullying: Bullying in the digital age. N.Y.: Wiley-Blackwell, 2011.
14. Rerke V.I., Tatarinova L.V., Bubnova I. S., Babitskaya L. A., Bakhareva E. V. Creativity and innovations of teachers of modern school: empirical aspect. ESPACIOS. 2020. Vol. 41. № 06. P. 28.

*Krasontseva E.Yu.,
Rerke V.I., Candidate of Psychological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Irkutsk State University,
Sverch L.P., Director
Irkutsk Secondary School № 43 named after Chief Marshal of Aviation A.E. Golovanov*

ADOLESCENT CYBERBULLYING: STUDYING THE SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL CONSEQUENCES

Abstract: the spread of the Internet and the increase in the number of electronic devices among young people has led to the problem of exacerbating virtual conflicts, lingering threats and aggressive relationships between teenagers.

The article presents the results of a study of the socio-psychological consequences of cyberbullying in adolescent victims. It was found that every third teenager (N=154) is subject to one or more types of bullying on the Internet. We identified the teenage victim of cyberbullying. The socio – psychological consequences of the use of information and communication technologies for deliberate, repeated and hostile behavior of a person or group aimed at insulting and humiliating another person are studied. These consequences include: low self-esteem, increased anxiety and isolation, a high level of social anxiety, which indicates difficulties in establishing contacts, fear of criticism and rejection from society. The results obtained in the study determine the strategy of purposeful psychological and pedagogical work on the organization of correction of the consequences of cyberbullying in the conditions of an educational organization.

Keywords: cyberbullying, teenagers, victim of cyberbullying, social and psychological consequences, self-awareness, social anxiety